

Научная статья
УДК 94(47)''18''(092) Петр I
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-3-28-112
EDN: VDARXV

**От Петра I к Путину:
исторические уроки цивилизационного имперостроительства России**

Вардан Эрнестович Багдасарян¹, Юрий Юрьевич Иерусалимский²

¹Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Государственный университет просвещения, г. Москва.

²Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

¹vardanb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

²osniyar@uniyar.ac.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4189-3055>

Аннотация. В статье проведены параллели между петровской и современной эпохами. Рассмотрены вопросы формирования модели цивилизационного сознания, мобилизационного государства, имперской матрицы. Методологическую основу исследования составил цивилизационный подход, предполагающий рассмотрение России как самодостаточной историко-культурной общности. Уделяется внимание методу исторических параллелей, применяемому как способ историко-философского анализа, учитывающему цикличность и ритмику цивилизационного воспроизводства. Выбор цивилизационного подхода и метода исторических параллелей обусловлен не только исследовательской установкой, но и самой природой объекта – России как цивилизации, исторически воспроизводящей саму себя в условиях внешних вызовов и мобилизационных трансформаций. Отмечается, что Петр I провел имперскую легитимацию России на всех уровнях: геополитическом, символическом, управленческом и мировоззренческом. Именно он впервые утвердил мысль, что Россия не может быть ничем иным, кроме как империей по своему назначению и масштабу. В статье делается вывод, что в лице Петра I Россия впервые утвердила себя как империя – не по форме, а по сущности, как цивилизация, способная не только адаптироваться к вызовам времени, но и производить собственные смыслы. Эта имперская линия преемственности сохранилась и в первой четверти XXI в, когда перед Россией вновь встали задачи мобилизации, удержания суверенитета, и утверждения собственной идентичности в условиях глобального давления.

Ключевые слова: Петр I; цивилизационный подход; цивилизационное имперостроительство; государство-цивилизация; цивилизационный код России; мобилизационное государство; исторические уроки

Исследование выполнено при поддержке проекта Минобрнауки России № FENZ-2023-0007.

Для цитирования: Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю. От Петра I к Путину: исторические уроки цивилизационного имперостроительства России // Социально-политические исследования. 2025. № 3 (28). С. 112–131. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-3-28-112>. <https://elibrary.ru/VDARXV>.

Original article

**From Peter I to Putin:
historical lessons of Russia's civilizational empire-building**

Vardan E. Bagdasaryan¹, Yuri Yu. Ierusalimskiy^{2✉}

¹Doctor of historical sciences, professor, head of the department of russian history, State university of education, Moscow.

²Doctor of historical sciences, professor, head of the department of russian medieval and modern history, Yaroslavl state university named after P. G. Demidov, Yaroslavl

¹vardanb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4895-5108>

²osniyar@uniyar.ac.ru[✉], orcid.org/0000-0003-4189-3055

Abstract. The article draws parallels between the Peter's and modern eras. The issues of formation of the model of civilizational consciousness, mobilization state, imperial matrix are considered. The methodological basis of the study was the civilizational approach, which involves considering Russia as a self-sufficient historical and cultural community. Attention is paid to the method of historical parallels, applied as a way of a historiosophical analysis, taking into account the cyclicity and rhythm of civilizational reproduction. The choice of the civilizational approach and the method of historical parallels is due not only to the research setting, but also to the very nature of the object - Russia as a civilization, historically reproducing itself in the face of external challenges and mobilization transformations. It is noted that Peter I carried out the imperial legitimation of Russia at all levels: geopolitical, symbolic, managerial and ideological. It was he who firstly affirmed the idea that Russia cannot be anything other than an Empire in its purpose and scale. The article concludes that in the person of Peter I, Russia for the first time established itself as an empire – not in form, but in essence, as a civilization capable of not only adapting to the challenges of the time, but also producing its own meanings. This imperial line of succession was preserved in the first quarter of the 21st century, when Russia again faced the tasks of mobilization, maintaining sovereignty, and asserting its own identity in the face of global pressure.

Key words: Peter I; civilizational approach; civilizational empire-building; state-civilization; civilizational code of Russia; mobilization state; historical lessons

The study was carried out with the support of the project of the Ministry of Education and Science of Russia No. FENZ-2023-0007.

For citation: Bagdasaryan V. E., Ierusalimskiy Yu. Yu. From Peter I to Putin: historical lessons of Russia's civilizational empire-building. *Social and political researches*. 2025;3(28): 112–131. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-3-28-112>. <https://elibrary.ru/VDARXV>.

Введение.
Запрос на изучение феномена
государства-цивилизации:
петровский и современный
контексты

Современный этап развития России характеризуется возрастанием внешнеполитического давления и геополитической изоляции, выстраиванием Западом парадигмы «глобального фронта сдерживания», где Россия позиционируется как альтернативный полюс – и, в этой логике, как угроза [Купин, 2002, с. 113]. Речь идет не просто о санкционной войне или локальных конфликтах [Блохин, 2016]. Перед нами – классический цивилизационный вызов, в рамках которого решается вопрос: *будет ли Россия сохранена как историческая, культурная, ценностная и государственно организованная общность?* [Багдасарян, 2023; Якунин, 2009]. Именно в этой точке напряжения актуализируется концепт государства-цивилизации – как ключевого объяснительного и проектного инструмента [Печин, 2024; Горелова, 2024; Литвинова, 2025].

Государство-цивилизация – не просто политическая оболочка, а носитель особого ценностного кода, воспроизводящего себя через институты, культуру, ментальность и формы власти [Петровская, 2020; Исаченко, 2024; Беспалова, 2019; Багдасарян, 2007]. В данной парадигме государство не отделено от цивилизационной миссии – оно является ее формой. Утрата государства равна утрате цивилизационного бытия. В этом и заключается отли-

чие российской традиции от западной модели, где государство может быть инструментом, контрактом, надстройкой – но не экзистенциальной сущностью.

Вызовы, адресуемые современной России, по своей структуре соотносимы с вызовами, стоявшими перед Россией в эпоху Петра I. Конец XVII – начало XVIII в. – это не просто время реформ, а момент цивилизационной развилки. Россия сталкивается с технологическим, политическим, информационным натиском Запада. Организуется культурная блокада, создается образ отсталой, архаичной державы, не вписывающейся в «нормы цивилизованного мира». Эта логика воспроизводится и в XXI в. – в иной форме, но с тем же содержанием [Панарин, 1998; Данилов, 2007].

Параллели между петровской и современной эпохами в публичном дискурсе выстраивал и сам Президент России. В юбилейных обращениях к фигуре Петра I В. В. Путин прямо указывал на значение его стратегии как примера действия в условиях давления и изоляции. Как Петр «отвоевывал и укреплял» – так и современная Россия, по словам главы государства, возвращает и утверждает свою субъектность (*Путин сравнил нынешнюю эпоху со временами Петра I // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/20220609/petr-1794337144.html> (дата обращения 15.06.2025)*). Подобная интерпретация не является стилистическим приемом, а выражает глубинное

стремление к опоре на историческую матрицу, когда спасение государства осуществлялось через преобразование на основе внутренних ресурсов и жесткого перестроения элиты.

Запрос на изучение феномена государства-цивилизации в петровском контексте обусловлен не только академическим интересом, но и необходимостью ответить на ключевой вопрос современности: *какова модель устойчивости России в эпоху цивилизационного давления?* Петровский опыт предоставляет пример такого ответа – жесткого, противоречивого, но результативного. В этом контексте фигура Петра I предстает не как фигура прошлого, а как код исторического будущего, преломленного через ось имперской идентичности.

Цель исследования

Целью настоящего исследования является раскрытие исторических уроков петровской мобилизации как цивилизационного проекта, направленного на трансформацию государства в условиях внешнего давления, и осмысление их применительно к современному этапу развития России. Речь идет не о механическом заимствовании петровской модели, а о реконструкции ее внутренней логики, ключевых инструментов, ценностных оснований и, главное, ее исторической эффективности – с учетом как конструктивных достижений, так и деформаций, которыми сопровождалась петровская революция.

Современная Россия, как и в начале XVIII в., вновь стоит перед необходимостью совершить мобилизационный поворот, но при этом избежать тех ошибок, которые стали обратной стороной петровской трансформации: отчуждение власти от народа, элитарный европоцентризм, духовный разрыв с православной традицией [Реснянский, 2017; Шумилов, 2009]. Исследование предполагает в этом отношении не апологетику петровского опыта, а его взвешенное историософское прочтение в логике «ценностной фильтрации»: что может быть взято в качестве имперского ресурса, а что должно быть осмысленно как предостережение.

Предпринимается попытка аналитического соотнесения двух исторических фаз – петровской и современной, условно обозначаемой как путинская, – с целью выявления механизмов исторического сопротивления цивилизационному давлению.

Методы исследования

Методологическую основу принимаемого исследования составляет цивилизационный подход, предполагающий рассмотрение России как самодостаточной историко-культурной общности, обладающей собственным онтологическим ядром, системой ценностей, типом государственности и формой исторического времени. В рамках данного подхода Россия понимается не как территориальное или политическое образование, а как государство-цивилизация, в которой историче-

ская преемственность имеет не столько институциональный, сколько глубинно смысловой характер [Шаповалов, 1999; Соколова, 2016; Мальченков, 2022; Багдасарян, 2006; Костяев, 2008].

Применение цивилизационного подхода предполагает, что эпоха Петра I и современный период, связанный с В. В. Путиным, принадлежат одной и той же цивилизационной логике. Несмотря на различия форм, средств, контекстов и вызовов, сохраняется единый структурный код российской истории, основанный, на таких константах как соборность, верховенство общего над частным, миссионерская функция государства, сакрализация власти, иерархическая организация общества и мобилизационный тип развития. Это и делает возможным не внешнюю аналогию, а онтологическое сопоставление – как метод, легитимный внутри непрерывно воспроизводящейся цивилизационной формы.

Ключевой метод – метод исторических параллелей, применяемый не как публицистический прием, а как способ историософского анализа, учитывающий цикличность и ритмику цивилизационного воспроизводства. Параллели между Петровской и нынешней эпохами не сводятся к фактическому сопоставлению, а раскрывают повторяющийся архетип кризиса, давления и мобилизационного поворота. Как в начале XVIII в. Россия оказалась перед угрозой технологического и духовного поглощения, так и в XXI в. вновь встал вопрос о выживании как

цивилизации. В обоих случаях ответ формулируется через концентрацию, вертикализацию, реставрацию субъектности и переопределение ценностных ориентиров.

Выбор цивилизационного подхода и метода исторических параллелей обусловлен таким образом не только исследовательской установкой, но и самой природой объекта – России как цивилизации, исторически воспроизводящей саму себя в условиях внешних вызовов и мобилизационных трансформаций.

Результаты исследования

Россия как

мобилизующаяся цивилизация

Понять цивилизационный код России невозможно без осмысления ее как мобилизующейся цивилизации. Победа в условиях внешнего давления и цивилизационного конфликта в российской традиции никогда не достигалась средствами «естественного» хода событий. Выстоять и победить – возможно лишь через мобилизацию. Но речь идет не только о военной мобилизации как техническом акте разворачивания сил. В подлинном смысле *мобилизация в российской истории* – это цивилизационная мобилизация, охватывающая все уровни: культурный, аксиологический, управленческий, духовный. Это перестройка всей системы бытия на задачу сохранения и преодоления.

Именно такую мобилизационную формулу реализовывал Петр I в эпоху раннего модерна. Он стал архитектором имперской мобилизационной модели, позволившей России,

оставаясь собой, встроиться в новый мировой порядок как равноправный субъект. Петровский опыт доказал: невозможно преодолеть цивилизационное давление, оставаясь в архаичных формах; и невозможно побеждать, утрачивая собственное ядро. Только мобилизационный синтез – заимствование средств при сохранении смыслов – способен обеспечить историческую устойчивость [Угрин, 2017].

Россия имеет уникальный исторический потенциал к мобилизации. В разные эпохи, в зависимости от стадии развития цивилизационного цикла, она порождала различные формы мобилизационной государственности. В условиях традиционного общества – модель Ивана Грозного: мобилизация через сакральную централизацию. В эпоху раннего модерна – модель Петра I: мобилизация через имперский универсализм. В XX в., в индустриальном модерне – модель И. В. Сталина: мобилизация через идеологическую мобилизацию масс.

Сегодня Россия вновь вступает в стадию мобилизационного перелома – в условиях неоинформационного и гибридного давления. Возникает запрос на формирование новой модели мобилизации, соответствующей вызовам XXI в. Данные задачи реализуются в рамках того, что можно обозначить как путинская модель мобилизации [Ильин, 2024].

Таким образом, невозможно говорить о победе без мобилизации, и невозможно осмыслить Россию без понимания ее как мобилизующейся цивилизации. Петр I занимает в этом

ряду не случайное место – он является кристаллизационной точкой мобилизационного кода, доказавшего свою жизнеспособность. Сегодня этот код требует нового прочтения – уже не в терминах прошлого, а в терминах предстоящего.

Мобилизационные механизмы петровской эпохи

Петровская модель модернизации была не эволюционной, а мобилизационной по своей природе. Она не предполагала поступательного органического развития, а реализовывалась как экстренная трансформация государства в условиях экзистенциального вызова. Ее задача заключалась в том, чтобы сжать историческое время, сократить путь от архаики к функциональной модерности, не разрушая при этом цивилизационного ядра. В этих целях и были выработаны механизмы мобилизации, охватывающие административную, военную и экономическую сферы [Синюгин, 2007; Серов, 2009; Львова, 2022; Реснянский, 2009].

1. Табель о рангах как механизм мобилизации административной элиты

Введение Табеля о рангах (1722) стало не просто реформой государственной службы – она означала радикальную трансформацию социокультурной структуры власти (РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота. РГАВМФ. ф. 223. оп. 1. д. 27. л. 1). Впервые в истории России сословная принадлежность была подчинена критерию служебной

полезности, а родовитость – функциональной эффективности. Это был инструмент не просто социальной ротации, а мобилизации элиты в логике вертикали служения. Логика документа была подчинена принципу: личная заслуга важнее происхождения. Тем самым создавался канал для формирования новой административной касты – людей, связанных с государством не по крови, а по долгу [Агеева, 2008].

2. Рекрутская система как институционализация военной мобилизации

Введение рекрутской системы (с 1705 г.) стало основой петровской армейской машины. Это была система военной мобилизации, превращавшая все мужское население в потенциальный военный резерв. Рекрутская система обеспечивала не разовое пополнение войска, а его постоянное возобновление [Горелов, 2013]. Солдат теперь не набирали на время кампании, а обращали в служение на десятилетия, с военной дисциплиной, армейским образом жизни. Создание рекрутской армии стало важнейшим условием успеха в Северной войне и других геополитических проектах империи.

3. Крепостное право как ресурс экономической мобилизации

Исходя из смысла петровской мобилизации, даже институт крепостного права был встроен в экономическую стратегию. Сопряжение крепостной зависимости с государственными задачами привело к тому, что крестьяне становились

лишь ресурсом промышленного прорыва. Податная реформа (введение подушной подати), прикрепление к мануфактурам, передача крестьянских контингентов в пользование промышленным предприятиям – все это превращало труд в инструмент форсированного промышленного перехода [Ключевский, 1959]. Развитие металлургии, судостроения, военного производства происходило за счет мобилизованной рабочей силы, что в рамках традиционного общества стало единственно возможной формой экономического рывка.

Петровская мобилизация была в этом отношении не точечной, а системной. Она охватывала ключевые сферы существования государства – элиту, армию, экономику – и превращала их в инструменты имперского строительства. Россия выстояла не потому, что приняла европейские формы, а потому, что мобилизовала свои ресурсы, подчиняя их единой цели – *укреплению государственности в условиях цивилизационного давления*.

Империя как форма сохранения цивилизационной субъектности

Россия – это не просто территория, не набор институтов, не этнический проект. Россия – это цивилизация, и как цивилизация она требует особой формы бытия. В ее случае такой формой может быть лишь империя. Не как экспансионистская конструкция, а как институциональный способ хранения идентичности, механизм удержания множественности в единстве, и

главное – фигура цивилизационной субъектности, позволяющая России оставаться собой в условиях исторического давления.

Империя – это историческое имя России, ее естественная и единственно возможная государственная форма в эпоху геополитических кризисов. Как только Россия отказывается от имперской парадигмы – она теряет свою субъектность и становится объектом чужих смыслов, чужой воли, чужой стратегии. Утрата империи – это не реформирование, а распад, не модернизация, а потеря онтологии. В этом и заключается отличие российской имперскости от колониальных моделей Запада: российская империя – не внешняя оболочка, а внутренняя необходимость [Дугин, 2007].

Концептуально этот тезис раскрыт в модели «пяти империй» А. Проханова. Он описывает *пять исторических форм русской имперскости*, которые, сменяя друг друга, сохраняли внутреннее ядро. *Империя Киевская* – духовно-миссионерская, в основе которой лежит крещение Руси и идея святой земли как начала государства. *Империя Московская* – сакрально-централизованная, собравшая русские земли в ответ на вызов Орды и поставившая царя как помазанника в центр исторической воли. *Империя Петербургская (Петровская)* – мобилизационно-рациональная, оформившая империю как технократическую силу и субъект глобальной геополитики. *Империя Красная (Советская)* – империя

идеи, социального универсализма, индустриализации и великой Победы, оформившая русский архетип в универсальной форме. *Империя Возрождающаяся* – проект XXI в., в котором происходит реинтеграция исторических смыслов, возвращение к мобилизационной логике, восстановление геополитического кода [Проханов, 2014].

Как подчеркивает Проханов, Россия может быть только империей или не быть вовсе. Именно в империи Россия проявляет свою всецелую волю к истории, оформляет себя как центр притяжения, не теряя своей внутренней многослойности: национальной, конфессиональной, региональной [Проханов, 2014]. Империя позволяет соединить архетип и технику, сакральное и рациональное, вертикаль власти и пространственную множественность.

В петровский период империя выступила как мобилизационный ответ на цивилизационную угрозу. В XXI в. тот же ответ воспроизводится на новом уровне. Сегодня речь идет не о реставрации форм, а о возврате к функции – функции империи как государственной оболочки цивилизации. И в этом смысле Петр I – не просто историческая фигура, а персонификация кода, в котором Россия отвечает на вызов – не отступлением, а расширением; не отказом, а собиранием; не растворением в других, а утверждением себя как центра.

Петр I стал не просто преобразователем государственного механизма, а акцентатором имперской сущ-

ности России. Именно с его правления Россия официально стала империей (с 1721 г.) (*РГАДА – Российский государственный архив древних актов. РГАДА, ф. 1451. оп. 1. кн. 13. л. 98–109*), тем самым переходя из состояния традиционного царства в цивилизационно-глобальную форму государственного бытия. Империя у Петра – не расширение границ, а утверждение универсального значения России в мире, ее способности задавать правила, вести войны, строить флотилии, организовывать промышленность, производить смысл.

Петр провел имперскую *легитимацию России* на всех уровнях: *геополитическом* (победа в Северной войне и выход к морям), *символическом* (основание Петербурга как «имперской витрины»), *управленческом* (создание бюрократического централизма), и *мировоззренческом* (оформление идеологии служения и государственного величия). Его действия оформили империю как новую модификацию государства-цивилизации, адаптированную к вызовам нового времени. Именно он впервые утвердил, что Россия не может быть ничем иным, кроме как империей по своему назначению и масштабу.

Воспроизводство цивилизационного противостояния с Западом

История России – это не линейное движение к Западу, а воспроизводящееся противостояние с ним, где периоды сближения оборачивались фазами глубокой конфронтации. Как подчеркивал А. Тойнби, именно в ответе на вызов раскры-

вается цивилизационная сущность [Тойнби, 2016]. И Россия, сталкиваясь с повторяющейся угрозой с Запада, неизменно формировала свою мобилизационную модель, направленную не на подражание, а на спасение [Уткин, 2003].

Петр I в начале своего пути мыслился как западник. Он заимствовал техники, учения, формы. Но столкнувшись с враждебностью и скрытым давлением со стороны Запада, стал фактическим антизападником [Черникова, 2018]. Европа для Петра была не пространством ценностей, а инструментом, который можно использовать, но который никогда не станет союзником. И в этом – фундаментальная логика петровского разворота: нельзя победить Запад, оставаясь его учеником.

Указанная логика имеет подтверждение и сегодня. Россия XXI в., прошедшая через период «встречи с Западом» в 1990–2000-х гг., вновь оказалась в ситуации, когда сам факт цивилизационной самостоятельности вызывает у Запада реакцию исключения. И как в петровскую эпоху, так и ныне, утверждается принцип: победить Запад можно только, когда перестаешь быть западником. Это не изоляция, а возвращение к себе. Это не отрыв от мира, а восстановление собственной цивилизационной оси. Именно такую формулу предлагал Петр – и такую же формулу требует наше время.

Геополитическая переориентация на Восток

История России знает устойчивый геополитический закон: всякий раз, когда отношения с Западом заходили в тупик, актуализировался восточный вектор. Запад, воспринимаемый как пространство возможностей, оборачивался зоной угроз, и тогда Россия поворачивалась к Востоку – не как к экзотике, а как к собственной глубинной среде, где проявлялась ее историческая субъектность.

Петр I, начавший свою геополитику с «окна в Европу», в финале правления осуществляет разворот на Восток. Персидские походы, начало освоения Прикаспия, проект движения в Центральную Азию, инициирование экспедиции Витуса Беринга к берегам Америки – все это не маргинальные эпизоды, а имперская стратегия восточной оси, отражающая понимание ограниченности западного курса (РГАВМФ, ф. 137. оп. 1. д. 22; ф. 149. оп. 1. д. 788; ф. 180. оп. 1. д. 12; ф. 194. оп. 1. д. 154; ф. 212. оп. 1. д. 49; ф. 233. оп. 1. д. 211; ф. 315. оп. 1. д. 143). Европа, давшая Петру технологию, не ставила целью союзничество с Россией. Восток же становился пространством развития без цивилизационного отказа от себя [Курукин, 2010; Ганиев, 2014; Алексеева, 2001; Чернавская, 2006].

Сегодня Россия вновь проходит ту же историческую дугу. После иллюзий сближения с Западом в 1990-х и начале 2000-х гг., геополитический тупик с Западом – санкции, блокада, враждебная ри-

торика – побуждает к реинтеграции восточного вектора: союз с Китаем, укрепление позиций в Центральной Азии, развитие арктического и тихоокеанского направлений. Это не случайное совпадение, а воспроизводимая логика государства-цивилизации, чья естественная геополитика всегда была евразийской, а не европоцентричной.

Петр I заложил эту матрицу. XXI в. ее актуализирует, что является одним из главных цивилизационных уроков петровской эпохи.

Морские рубежи как оси геополитической субъектности

Для России морские рубежи никогда не были просто пространствами торговли или навигации. В представлении Петра I они выступали как оси цивилизационного прорыва, как символы вхождения в большую историю. Петр Великий выстраивал свою геополитику как борьбу за доступ к морям, понимая: без выхода к морским коммуникациям Россия остается в изоляции и становится объектом чужой воли. Победа в Северной войне и выход к Балтийскому морю – не только военный, но и цивилизационный акт, зафиксировавший Россию как морскую державу [Буганов, 1989].

Азовские походы, попытки закрепиться на Черном море, строительство флота, открытие морских академий, – все это было звеньями единой геополитической логики. Даже несостоявшийся проект экспедиции на Мадагаскар не был экзотическим курьезом [Копелев, 2015]. Это был символический вы-

зов Британской империи, попытка заявить о себе не только на евразийском, но и на мировом уровне. Петр мыслил глобально – и морская геополитика была формой такого мышления.

Сегодня Россия вновь ведет борьбу за морские рубежи, в том числе в арктическом измерении. Арктика становится тем пространством, где сталкиваются интересы великих держав, и где вновь встает вопрос: будет ли Россия замкнутым континентом или субъектом полярной геополитики. Как когда-то Петр I прорубал «окно в Европу», так сегодня Россия открывает морской коридор к Северному Ледовитому океану – как зоне ресурсов, навигации и цивилизационного присутствия.

Битва за моря – это битва за субъектность, за признание, за движение. И в этом смысле морская стратегия Петра продолжает свою актуальность. Россия остается морской державой – не только по логике географии, а по логике цивилизационного выбора.

Украина как постоянная ось цивилизационного противостояния

Украина – не периферия, а один из центральных участков исторической геополитики России. И при Петре I, и в XXI в. именно украинское пространство становилось площадкой внешнего давления на российскую государственность, ареной борьбы за идентичность, субъектность и территориальную целостность [Коваленко, 2008; Чурзин, 2022]. Не случайно именно в данном направлении в начале

XVIII в. выдвигается шведский король Карл XII – выразитель западного давления. Его союзником становится гетман Иван Мазепа, чье имя стало синонимом предательства, сепаратизма и антигосударственного мятежа (*РГАДА, ф. 3. оп. 1. д. 1*).

Петровский ответ на «мазепинство» был жестким и системным: не только военная победа при Полтаве, но и идейная репрессия сепаратизма как угрозы имперскому единству. Уже тогда сформировалась матрица восприятия украинского национализма как инструмента геополитической подрывной деятельности, инспирируемой извне – в первую очередь с Запада. То, что сегодня именуется бандеровщиной, тогда называлось мазепинством. И в том, и в другом случае – это одна и та же логика, направленная на раскол цивилизационного ядра Русского мира.

Современное противостояние на украинском направлении – не новое явление, а воспроизводимая линия исторической борьбы. Как и при Петре, Запад использует украинское пространство как таран против России, как территорию внедрения чуждой идентичности и антироссийской идеологии. А Россия, как и три века назад, вынуждена отвечать системной мобилизацией – не только военной, но и ценностной, культурной, идеологической.

Украинский вопрос – это не частный эпизод, а структурная линия цивилизационного конфликта, идущая сквозь века. И без осмыс-

ления петровского опыта невозможно понять направления в современном развитии страны. Россия побеждает, когда сохраняет единство. Распад начинается там, где возникает мазепинство.

Технологии как условие цивилизационного суверенитета

Цивилизационное противостояние России и Запада всегда имело технологическое измерение. Победа над Западом невозможна без технологического паритета, а тем более – превосходства. Петр I это понимал предельно четко: именно поэтому он инициирует масштабную программу заимствования западных технологий – военных, навигационных, инженерных, административных. Отправка дворян за границу, приглашение иностранных специалистов, создание мануфактур, строительство флота, основание Академии наук – все это было направлено на одно: устранить технологическое отставание, чтобы Россия не стала жертвой чужой продвинутой [Алексеева, 2006; Алексеева, 2007].

Однако Петр не ставил знак равенства между технологией и ценностями. Он заимствовал форму, не дух; инструмент, но не смысл. В указанной диаде стратегическое отличие петровской модели от слепой вестернизации: технология – не замена идентичности, а ее защита.

В настоящее время проблема звучит с новой силой. Россия вновь сталкивается с необходимостью обеспечения технологического суверенитета в условиях санкционного давления, изоляции, разрывов

кооперационных цепочек. Особенно напряженно эта задача проявляется в сфере военно-промышленного комплекса, где не просто импортозамещение, а создание собственной высокотехнологичной матрицы становится вопросом выживания. Состояние вооруженных сил – не только фактор обороны, но и индикатор уровня цивилизационного контроля над своей судьбой.

Как в петровскую эпоху, так и сегодня технологическая мобилизация – это не факультативная программа, а стержневое условие сохранения суверенитета. И если Петр I создал армию нового типа и флот, поставив Россию в один ряд с ведущими державами, то сегодня Россия вновь стоит перед аналогичной задачей – обеспечить технологическое лидерство как форму геополитического ответа. И такой ответ современная Россия демонстрирует.

Идеология как фундамент российской государственности

Российская история показывает: без идеологии государство не устойчиво. Каждая попытка деидеологизации вела к ослаблению субъектности, к кризису смыслов и потере исторического вектора [Беспаленко, 2007; Якушев, 2023; Медушевская, 2023]. Петровская эпоха, на первый взгляд, связана с резким отказом от прежней идеологической модели – концепта «Москва – Третий Рим», сакрального образа православного царства как удерживающей силы мира. Петр дистанцируется от этой традиции, ориентируясь на свет-

скую рациональность, управленческую технократию, формальный прагматизм.

Однако уже вскоре становится ясно: чистое администрирование без ценностного каркаса не удерживает империю. Начинается процесс нового идеологического строительства. Россия получает имперскую легитимацию – через титул императора, идею общественного блага, образ государя как носителя высшего интереса, не частного и не корпоративного, а цивилизационного. Формируется новый идеологический код: Россия – великая мировая держава.

Современная Россия проходит аналогичный путь. Попытка 1990-х гг. построить нейтральное, постидеологическое государство привела к смысловой пустоте, в которой подменялись ценности, разрушалась историческая память, стирались контуры идентичности. Осознание этого привело к новому этапу – к ценностно-смысловому возрождению, к формированию системы координат, где вновь закрепляется идея России как великой державы, имеющей право на голос в мировой истории.

И в петровскую эпоху, и настоящее время идеология выступает не вторичным элементом, а ядром государственности. Она не опциональна, а фундаментальна. И там, где собственная идеология отсутствует – приходит внешнее управление. Петр дал импульс новому государственному идеологическому проекту – и перед современной Россией стоит та же задача: соб-

ственное ценностное самоформирование как гарантия суверенитета.

Цивилизационная идентичность как условие устойчивости государства

Петровская модернизация, несомненно, дала России новые инструменты управления, войска, флот, промышленность. Но в ней же заложена глубинная ошибка, проявившаяся в долгосрочной перспективе. Речь идет об европеизации элиты, о том, что вместе с технологиями и институтами был заимствован чужой ценностный код, не соотносящийся с цивилизационной матрицей России. Итогом стала культурная шизофрения: элита говорит на одном языке, народ – на другом; элита мыслит категориями Просвещения и либерализма, народ – в рамках православного архетипа общинности и соборности [Кизеветтер, 2003].

Данный раскол между элитой и народом, начавшийся при Петре I, не был преодолен в XIX в. и привел к 1917 г., когда отчужденная элита оказалась неспособной защитить государство, а народ – отверг легитимность чуждой ему власти. Именно поэтому урок Петра I – двойственный: модернизация необходима, но без укорененности в собственной цивилизационной идентичности она становится разрушительной [Носков, 2005].

Современная Россия стоит перед тем же выбором: либо вновь элитарное обособление и повторение ошибок прошлого, либо опора на собственные цивилизационные

ценности как ядро единства общества. Не только технологии определяют устойчивость государства, а прежде всего ценностная спаянность, культурная цельность, идентичность, не подмененная внешними моделями.

Петр I создавал великую державу. Но только там, где его реформы соотносились с цивилизационным ядром, они укрепляли государство. Там же, где он отрывал страну от собственной смысловой почвы, начинались процессы внутреннего ослабления. Этот урок нельзя проигнорировать. Сегодня – как и триста лет назад – вопрос идентичности является вопросом выживания.

Заключение

Петр I – это не только историческая фигура прошлого, но и живое звено в цепи российской державной преемственности. Его эпоха стала поворотным моментом, в котором сформировалась модель мобилизационного государства, имперская матрица, геополитический инстинкт и цивилизационное сознание. Петр I – не реформатор в узком смысле, а архитектор русской государственности нового типа,

соотносящийся по масштабу и значению с такими фигурами, как князь Владимир или Иосиф Сталин.

В лице Петра I Россия впервые утвердила себя как империя – не по форме, а по сущности, как цивилизация, способная не только адаптироваться к вызовам времени, но и производить собственные смыслы. Эта имперская линия преемственности сохраняется и в XXI веке, когда вновь перед Россией встают задачи мобилизации, удержания суверенитета, и утверждения собственной идентичности в условиях глобального давления.

Понимание Петра I – это не академическое упражнение, а стратегическая необходимость. Без его опыта невозможно понять ни природу российского государства, ни алгоритмы его выживания в критические эпохи. Петр I – память будущего, интегрированная в структуру цивилизационного кода России. И сегодня, в условиях нового исторического выбора, он вновь становится актуальным – как опорная точка державной оси, идущей от князя Владимира – через Петра Великого – к В. В. Путину.

Библиографический список

1. Агеева О. Г. Императорский двор России. 1700–1796 гг. Москва : Наука, 2008. 379 с.
2. Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России. XVIII – начало XX в. Москва : РОССПЭН, 2007. 366 с.
3. Алексеева Е. В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез Екатеринбург : УрГИ, 2006. 263 с.
4. Алексеева И. В. Геополитика в России: Между Востоком и Западом: конец XVIII – нач. XX в. Санкт-Петербург : изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. 303 с.
5. Багдасарян В. Э. Актуальные вызовы и проблемы развития России: методическое пособие для вузов / В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль : ИПК «Индиго», 2023. 64 с.

6. Багдасарян В. Э. Россия в условиях трансформации: теория цивилизационного маятника. Москва : Собрание, 2007. 214 с.
7. Багдасарян В. Э. Традиционализм и цивилизационная идентичность России. Москва : Собрание, 2006. 239 с.
8. Беспаленко П. Н. Угрозы и вызовы духовной безопасности России. Белгород : Белгородская обл. тип., 2007. 223 с.
9. Беспалова Т. В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. Москва : ин-т Наследия, 2019. 212 с.
10. Блохин К. В. Крестоносцы холодной войны: американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. Москва : Весь Мир, 2016. 176 с.
11. Буганов В. И. Петр Великий и его время. Москва : Наука, 1989. 187 с.
12. Ганиев Р. Т. Россия и Центральная Азия с древнейших времен и до современности. Екатеринбург : изд-во Уральского ун-та, 2014. 70 с.
13. Горелова Т. А. Значение концепта «государство-цивилизация» для идеологической доктрины // Знание. Понимание. Умение. 2024. №3. С. 93–106.
14. Горелов В. Н. Рекрутские наборы в системе комплектования русской армии // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 17–23.
15. Данилов А. Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV – XIX вв.) Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. 320 с.
16. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XX века. Санкт-Петербург : Амфора, 2007. 381 с.
17. Ильин В. А. Эффективность государственного управления. Два года в условиях проведения специальной военной операции: точка зрения главного редактора. Вологда : ВолНЦ РАН, 2024. 320 с.
18. Исаченко Н. Н. Российская цивилизация как социокультурный феномен. Тюмень : изд-во ТИУ, 2024. 164 с.
19. Кизеветтер А. А. Реформа Петра Великого в сознании русского общества // Петр Великий: pro et contra. Санкт-Петербург : РХГИ, 2003. С. 640–669.
20. Ключевский В. О. Подушная подать и отмена холопства в России // Ключевский В. О. Сочинения в восьми томах. Т. 8. Москва : Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 318–337.
21. Коваленко М. А. Обида, жажда власти, предательство?! (гетман Мазепа и отношения с Россией в конце XVII – начале XVIII вв.) // Современная Европа. 2008. № 3(35). С. 103–111.
22. Копелев Д. Н. «Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения. 2015. №5. С. 186–211.
23. Костяев А. И. Современная российская цивилизациология: Подходы, проблемы, понятия / А. И. Костяев, Н. Ю. Максимова. Москва : изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.
24. Купин В. Н. Геополитические императивы глобальной безопасности. Санкт-Петербург : Астерион, 2002. 228 с.
25. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). Москва : Квадрига, 2010. 375 с.
26. Литвинова Т. Н. Российская цивилизация перед вызовами современности: проблемы самоидентификации в общественно-политическом дискурсе // Общественные науки и современность. 2025. №1. С. 81–95.

27. Львова Д. А. Меркантилизм и камерализм Петра Великого в регулировании государственного предпринимательства. Санкт-Петербург : Скифия-Принт, 2022. 343 с.
28. Мальченков С. А. Цивилизационный дискурс в высказываниях В. В. Путина // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 2. С. 53–71.
29. Медушевская Н. Ф. Цивилизационная идентичность и развитие российского государства / Н. Ф. Медушевская, А. А. Васечко // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 102–106.
30. Носков В. А. Политико-культурная детерминанта развития общества: герменевтика российской реальности. Белгород : изд-во БелГУ, 2005. 218 с.
31. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. Москва : Логос, 1998. 392 с.
32. Петровская Ю. А. Личность инновационной цивилизации. Петрозаводск : изд-во ПетрГУ, 2020. 254 с.
33. Печин Ю. В. Россия как государство-цивилизация: осмысление концепта // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий : сборник IX Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2024. С. 1290–1293.
34. Проханов А. А. Поступь русской победы. Москва : Книжный клуб Книговек, 2014. 474 с.
35. Реснянский С. И. Русское духовенство при царе-реформаторе: историографическое осмысление. Коломна : Серебро Слов, 2017. 354 с.
36. Реснянский С. И. Церковно-государственная реформа Петра: протестантская модель или византийское преемство. Москва : ЮНИТИ, 2009. 256 с.
37. Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. Москва : Зерцало-М, 2009. 487 с.
38. Синюгин В. Ю. Проблемы и перспективы правового обеспечения реформ в современной России. Москва : Граница, 2007. 239 с.
39. Соколова Р. И. Основные смыслы и стратегия российского государства-цивилизации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 11. Часть 1. Москва : ИНИОН РАН, 2016. С. 578–582.
40. Тойнби А. Д. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. Москва : Алгоритм, 2016. 286 с.
41. Угрин И. М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ. Москва : ин-т философии РАН, 2017. 106 с.
42. Уткин А. И. Вызов Запада и ответ России. Москва : ЭКСМО : Алгоритм, 2003. 606 с.
43. Чернавская В. Н. Россия на Тихом океане, XVIII – первая половина XIX века. Владивосток : Дальнаука, 2006. 255 с.
44. Черникова Т. В. Парадоксы петровской европеизации // Новая и новейшая история. 2018. №5. С. 3–22.
45. Чурзин В. В. Гетман Мазепа и царь Петр Алексеевич. Метафизика предательства в русской истории // Сборник материалов XXII Свято-троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге : сборник докладов и сообщений. Часть 2. Санкт-Петербург : изд-во Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского, 2022. С. 213–226.

46. Шаповалов В. В. Россия как цивилизация // *Философия и общество*. 1999. № 3. С. 54–75.
47. Шумилов В. К. *Время консервативного поколения*. Чебоксары : Изд-во Чувашского ун-та, 2009. 128 с.
48. Якунин В. И. Новые технологии борьбы с российской государственностью / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. Москва : Научный эксперт, 2009. 424 с.
49. Якушев А. Н., Якушева И. П. Разрушение идейно-духовного состояния российского общества как фактор ослабления государственности / А. Н. Якушев, И. П. Якушева // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2023. № 5(131). С. 1–6.

Reference list

1. Ageeva O. G. *Imperatorskij dvor Rossii. 1700–1796 gg.* = Imperial Court of Russia. 1700–1796. Moskva : Nauka, 2008. 379 s.
2. Alekseeva E. V. *Diffuzija evropejskih innovacij v Rossii. XVIII – nachalo XX v.* = Diffusion of European innovations in Russia. XVIII – beginning of XX century. Moskva : ROSSPJEN, 2007. 366 s.
3. Alekseeva E. V. *Evropejskaja kul'tura v imperskoj Rossii: proniknovenie, rasprostranenie, sintez* = European culture in imperial Russia: penetration, distribution, synthesis. Ekaterinburg : UrGI, 2006. 263 s.
4. Alekseeva I. V. *Geopolitika v Rossii: Mezhdv Vostokom i Zapadom: Konec XVIII – nach. XX v.* = Geopolitics in Russia: Between East and West: Late XVIII – early XX century. Sankt-Peterburg : izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2001. 303 s.
5. Bagdasarjan V. Je. *Aktual'nye vyzovy i problemy razvitiya Rossii* = Current challenges and problems of Russia's development: metodicheskoe posobie dlja vuzov / V. Je. Bagdasarjan, Ju. Ju. Ierusalimskij. Jaroslavl' : IPK "Indigo", 2023. 64 s.
6. Bagdasarjan V. Je. *Rossija v uslovijah transformacii: teorija civilizacionnogo majatnika* = Russia in transformation: the theory of a civilizational pendulum. Moskva : Sobranie, 2007. 214 s.
7. Bagdasarjan V. Je. *Tradicionallizm i civilizacionnaja identichnost' Rossii* = Traditionalism and civilizational identity of Russia. Moskva : Sobranie, 2006. 239 s.
8. Bepalenko P. N. *Ugrozy i vyzovy duhovnoj bezopasnosti Rossii* = Threats and challenges to Russia's spiritual security. Belgorod : Belgorodskaja obl. tip., 2007. 223 s.
9. Bepalova T. V. *Kul'turno-civilizacionnye smysly gosudarstvennogo patriotizma* = Cultural and civilizational meanings of state patriotism. Moskva : in-t Nasledija, 2019. 212 s.
10. Blohin K. V. *Krestonoscy holodnoj vojny: amerikanskij neokonservatizm: ideologija i praktika global'noj gegemonii* = Cold War crusaders: American neoconservatism: ideology and practice of global hegemony. Moskva : Ves' Mir, 2016. 176 s.
11. Bugarov V. I. *Petr Velikij i ego vremja* = Peter the Great and his time. Moskva : Nauka, 1989. 187 s.
12. Ganiev R. T. *Rossija i Central'naja Azija s drevnejshih vremen i do sovremennosti* = Russia and Central Asia from ancient times to the present. Ekaterinburg : izd-vo Ural'skogo un-ta, 2014. 70 s.

13. Gorelova T. A. Znachenie koncepta “gosudarstvo-civilizacija” dlja ideologicheskoi doktriny = Significance of the concept of “state-civilization” for ideological doctrine // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2024. №3. S. 93–106.
14. Gorelov V. N. Rekrutskie nabory v sisteme komplektovaniia russkoi armii = Recruitment campaign in the manning system of the Russian army // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2013. № 7. S. 17–23.
15. Danilov A. G. Al'ternativy v istorii Rossii: mif ili real'nost' (XIV–XIX vv.) = Alternatives in the history of Russia: myth or reality (XIV–XIX centuries). Rostov-na-Donu : Feniks, 2007. 320 s.
16. Dugin A. G. Geopolitika postmoderna: vremena novykh imperij, ocherki geopolitiki XX veka = Postmodern geopolitics: times of new empires, essays on geopolitics of the 20th century. Sankt-Peterburg : Amfora, 2007. 381 s.
17. Il'in V. A. Jeffektivnost' gosudarstvennogo upravlenija. Dva goda v uslovijah provedenija special'noj voennoj operacii: tochka zrenija glavnogo redaktora = Efficiency of public administration. Two years in a special military operation: the point of view of the editor-in-chief. Vologda : VolNC RAN, 2024. 320 s.
18. Isachenko N. N. Rossijskaja civilizacija kak sociokul'turnyj fenomen = Russian civilization as a sociocultural phenomenon. Tjumen' : izd-vo TIU, 2024. 164 s.
19. Kizevetter A. A. Reforma Petra Velikogo v soznanii russkogo obshhestva = The reform of Peter the Great in the minds of Russian society // Petr Velikij: pro et contra. Sankt-Peterburg : RHGI, 2003. S. 640–669.
20. Ključevskij V. O. Podushnaja podat' i otmena holopstva v Rossii = Soul filing and cancellation of servitude in Russia // Ključevskij V. O. Sochinenija v vos'mi tomah. T. 8. Moskva : Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoi literatury, 1959. S. 318–337.
21. Kovalenko M. A. Obida, zhazhda vlasti, predatel'stvo?! (getman Mazepa i otnoshenija s Rossiej v konce XVII – nachale XVIII vv.) = Resentment, thirst for power, betrayal?! (hetman Mazepa and relations with Russia in the late XVII – early XVIII centuries) // Sovremennaja Evropa. 2008. № 3(35). S. 103–111.
22. Kopelev D. N. “Madagaskarskij korol” i sekretnaja jekspedicija Petra Velikogo 1723-1724 godov = “Madagascar King” and the secret expedition of Peter the Great 1723-1724 // Vek Prosveshhenija. 2015. №5. S. 186–211.
23. Kostjaev A. I. Sovremennaja rossijskaja civilizaciologija: podhody, problemy, ponjatija = Modern Russian Civilizationology: Approaches, Problems, Concepts / A. I. Kostjaev, N. Ju. Maksimova. Moskva : izd-vo LKI, 2008. 328 s.
24. Kupin V. N. Geopoliticheskie imperativy global'noj bezopasnosti = Geopolitical imperatives of global security. Sankt-Peterburg : Asterion, 2002. 228 s.
25. Kurukin I. V. Persidskij pohod Petra Velikogo: Nizovoj korpus na beregah Kaspija (1722–1735) = Persian campaign of Peter the Great: Lower corps on the shores of the Caspian (1722–1735). Moskva : Kvadriga, 2010. 375 s.
26. Litvinova T. N. Rossijskaja civilizacija pered vyzovami sovremennosti: problemy samoidentifikacii v obshhestvenno-politicheskom disкурse = Russian civilization before the challenges of modernity: problems of self-identification in socio-political discourse // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2025. №1. S. 81–95.
27. L'vova D. A. Merkantilizm i kameralizm Petra Velikogo v regulirovanii gosudarstvennogo predprinimatel'stva = Mercantilism and cameralism of Peter the Great in the regulation of state entrepreneurship. Sankt-Peterburg : Skifija-Print, 2022. 343 s.

28. Mal'chenkov S. A. Civilizacionnyj diskurs v vyskazyvanijah V. V. Putina = Civilizational discourse in the statements of V. V. Putin // Diskurs-Pi. 2022. T. 19, № 2. S. 53–71.
29. Medushevskaja N. F. Civilizacionnaja identichnost' i razvitie rossijskogo gosudarstva = Civilizational identity and development of the Russian state / N. F. Medushevskaja, A. A. Vasechko // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. 2023. № 6. S. 102–106.
30. Noskov V. A. Politiko-kul'turnaja determinanta razvitija obshhestva: germenевitika rossijskoj real'nosti = Political and cultural determinant of the development of society: hermeneutics of Russian reality. Belgorod : Izd-vo BelGU, 2005. 218 s.
31. Panarin A. S. Revansh istorii: rossijskaja strategicheskaja iniciativa v XXI veke = Revenge of history: Russian strategic initiative in the 21st century. Moskva : Logos, 1998. 392 s.
32. Petrovskaja Ju. A. Lichnost' innovacionnoj civilizacii = The personality of an innovative civilization. Petrozavodsk : Izd-vo PetrGU, 2020. 254 s.
33. Pechin Ju. V. Rossiya kak gosudarstvo-civilizacija: osmyslenie koncepta = Russia as a state-civilization: understanding the concept // Rol' agrarnoj nauki v ustojchivom razvitii sel'skih territorij : sbornik IX Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Novosibirsk : IC NGAU “Zolotoj kolos”, 2024. S. 1290–1293.
34. Prohanov A. A. Postup' russkoj pobedy = Tread of Russian victory. Moskva : Knizhnyj klub Knigovek, 2014. 474 s.
35. Resnjanskij S. I. Russkoe duhovenstvo pri care-reformatore: istoriograficheskoe osmyslenie = Russian clergy under the tsar-reformer: historiographic understanding. Kolomna : Serebro Slov, 2017. 354 s.
36. Resnjanskij S. I. Cerkovno-gosudarstvennaja reforma Petra: protestantskaja model' ili vizantijskoe preemstvo = Church-state reform of Peter: Protestant model or Byzantine succession. Moskva : JuNITI, 2009. 256 s.
37. Serov D. O. Sudebnaja reforma Petra I: istoriko-pravovoe issledovanie = Judicial reform of Peter I: historical and legal research. Moskva : Zercalo-M, 2009. 487 s.
38. Sinjugin V. Ju. Problemy i perspektivy pravovogo obespechenija reform v sovremennoj Rossii = Problems and prospects for legal support of reforms in modern Russia. Moskva : Granica, 2007. 239 s.
39. Sokolova R. I. Osnovnye smysly i strategija rossijskogo gosudarstva-civilizacii = The main meanings and strategy of the Russian state-civilization // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik. Vypusk 11. Chast' 1. Moskva : INION RAN, 2016. S. 578–582.
40. Tojnbi A. D. Vyzovy i otvety. Kak gibnut civilizacii = Challenges and responses. How civilizations perish. Moskva : Algoritm, 2016. 286 s.
41. Ugrin I. M. Rossijskaja gosudarstvennost' i imperskaja paradigma: filosofskij analiz = Russian statehood and the imperial paradigm: philosophical analysis. Moskva : in-t filosofii RAN, 2017. 106 s.
42. Utkin A. I. Vyzov Zapada i otvet Rossii = Challenge of the West and Russia's response. Moskva : JeKSMO : Algoritm, 2003. 606 s.

43. Chernavskaja V. N. Rossiya na Tihom okeane, XVIII – pervaya polovina XIX veka = Russia in the Pacific, XVIII – the first half of the XIX century. Vladivostok : Dal'nauka, 2006. 255 s.
44. Chernikova T. V. Paradoksy petrovskoj evropeizacii = Paradoxes of Peter's Europeanization // Novaya i novejschaya istoriya. 2018. №5. S. 3–22.
45. Churzin V. V. Getman Mazepa i car' Petr Alekseevich. Metafizika predatel'stva v russkoj istorii = Hetman Mazepa and Tsar Peter Alekseevich. Metaphysics of betrayal in Russian history // Sbornik materialov XXII Svjato-troickih ezhegodnyh mezhdunarodnyh akademicheskikh chtenij v Sankt-Peterburge : Sbornik dokladov i soobshhenij. Chast' 2. Sankt-Peterburg : izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii im. F. M. Dostoevskogo, 2022. S. 213–226.
46. Shapovalov V. V. Rossiya kak civilizacija = Russia as a civilization // Filosofija i obshhestvo. 1999. № 3. S. 54–75.
47. Shumilov V. K. Vremja konservativnogo pokolenija = Conservative generation time. Cheboksary : izd-vo Chuvashskogo un-ta, 2009. 128 s.
48. Jakunin V. I. Novye tehnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'ju = New technologies for combating Russian statehood / V. I. Jakunin, V. Je. Bagdasarjan, S. S. Sulakshin. Moskva: Nauchnyj jekspert, 2009. 424 s.
49. Jakushev A. N., Jakusheva I. P. Razrushenie idejno-duhovnogo sostojanija rossijskogo obshhestva kak faktor oslablenija gosudarstvennosti = Destruction of the ideological and spiritual state of Russian society as a factor in the weakening of statehood / A. N. Jakushev, I. P. Jakusheva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023. № 5(131). S. 1–6.

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 02.07.2025; принята к публикации 30.07.2025.
The article was submitted on 10.06.2025; approved after reviewing 02.07.2025; accepted for publication on 30.07.2025